

КОГНИТИВНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И НОВАЯ ПЕДАГОГИКА: МАРКСИСТСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»

Олег Николаевич Ноговицин (onogov@yandex.ru)

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ноговицин О.Н. (2018) Когнитивный капитализм и новая педагогика: марксистская транскрипция «общества знания». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(5): 183–208. <https://doi.org/1031119/jssa.2018.21.5.10>

Аннотация: Современная мировая система социально-экономических отношений рассматривается сквозь призму идеи «общества знания» и позиционируется в качестве социальной модели, строящейся на основе перманентного производства нового, принимающего форму информационных технологий знания, непрерывной верификации способов его производства и внедрения во все сферы жизни общества. Этот идеологически нейтральный образ современного общества, как и его оперативное определение в сфере образования посредством концепта «новой педагогики», подвергается критическому рассмотрению в теоретической модели «когнитивного капитализма», опирающейся на потенциал марксистской теории экономики и исторического процесса. В ходе исследования выделяется основное противоречие, определяющее динамику развития «общества знания» и состоящее в несовместимости сущностной открытости процессов производства любого нового знания (живое знание, современный вариант концептуализации «живого труда» Маркса), на котором основана экономика «общества знания», и его формализованного посредством юридических процедур патентования и лицензирования суррогата, позволяющего придать ему качество редкости и превратить в базовую форму капитала (мертвое знание, «мертвый труд» классической марксистской теории). Базовый конфликт, характеризующий «общество знания», в рамках неolibеральной модели управления обществом и экономикой предполагается разрешить посредством реализации программ обеспечения комплексного и справедливого (равноправного) качественного образования и поощрения возможности обучения на протяжении всей жизни для всех, в чем и состоит концепт «новой педагогики». Однако такое решение само является условием социального конструирования этого конфликта, поскольку программа «новой педагогики» предполагает капитализацию живого знания в форме «человеческого капитала» и служит как созданию механизмов его производства, так и распределению доступа к самой возможности приобретения и капитализации человеком необходимых для успешной самореализации на экономическом рынке навыков и компетенций.

Ключевые слова: общество знания, информационное общество, когнитивный капитализм, новая педагогика, новый гуманизм, марксистская политэкономика, живой труд, мертвый труд.

Современная мировая система социально-экономических отношений часто рассматривается сквозь призму идеи «общества знания» и позиционируется в качестве социальной модели, строящейся на основе перманентного производства нового, принимающего форму информационных технологий знания, непрерывной верификации способов его производства и внедрения во все сферы жизни общества. Идеология такой модели социального развития в своих телеологических определениях находит регулятивы в двух базовых идеях. С одной стороны, полагают, что предельное развитие «экономики знаний» имеет своей экспонентой ситуацию возможно полной механизации производства и воспроизводства производительного элемента социальности на основе информационных технологий, то есть ситуацию, когда машины, превратившиеся в самовоспроизводящиеся механизмы производства продуктов потребления, окажутся способны освободить людей как потребителей от всех нагрузок общественно полезного труда, и это позволит реализовать идеал свободной и прозрачной коммуникации в человеческом сообществе, предоставив возможности для саморазвития человечества по ту сторону его экономико-политической регуляции любыми внутренними и внешними инстанциями власти. Такая идея очевидно утопична, но неискоренима, поскольку выражает культурный код как минимум европейской ментальности в образах «золотого века», «Эдемского сада» и т.д. С другой стороны, сама возможность наступления столь желанной эры бытия свободного человечества в самом принципе экономики знаний, кажется, находит себе подтверждение и основу: производство и воспроизводство знания требует исключительно креативную сторону человеческой природы, потенциал саморазвития человека с точки зрения реализации всех его творческих способностей, продукты которого, как и произведение искусства, не имеют в пределе формализуемой стоимости, соотносимой с какой-либо иной стоимостью, — они как таковые бесценны. Следовательно, капитализация такого рода знания (опять же в своей сущности) — дело в первую очередь самого человека, каждого отдельного индивида уже сейчас, поскольку сам факт необходимости превращения знания в монетарный капитал есть лишь окказиональный момент по отношению к свободной основе его производства.

Эта идея, внешне сближающая либеральный и социалистический проекты, является одновременно и теоретическим принципом, и педагогической программой переустройства современного общества, новым вариантом правила его модернизации. Как следствие, в глобальном масштабе дальнейшая логика развития и преобразования современной общественной системы в направлении ее все расширяющейся либерализации,

в первую очередь подсистемы образования в качестве ведущего кластера «экономики знания», в подобной идеологической перспективе не знает альтернатив. Образцовой в этой связи выглядит новейшая программа стратегического реформирования образования, декларируемая, обсуждаемая и внедряемая по всему миру институтами (подразделениями и кафедрами) ЮНЕСКО. Она формулируется как программа «новой педагогики» и задана в своем концептуальном базисе идеей «нового гуманизма», декларированной ЮНЕСКО в 2010 г. (Vokova 2010).

Концепт «новой педагогики» описывается в качестве нормативного требования обеспечения комплексного и справедливого (равноправного) качественного образования и поощрения возможности обучения на протяжении всей жизни для всех. Нормативный характер такого требования непосредственно проистекает из идеи «нового гуманизма», согласно которой каждый человек в частности и человечество в целом не только *имеет право* определять смысл и форму своей жизни, принцип, из которого исходил гуманизм «классический», но и *обязан* это делать. Построение глобального сообщества людей на принципах равенства и коллективной ответственности в этой связи оказывается в прямой зависимости от формирования и внедрения конкретных моделей практик и технологий, которые позволили бы реализовать эту цель.

Нормативность указанного требования применительно к образованию соответственно предполагает как формирование субъекта, ему соответствующего, то есть такого субъекта, который сознает необходимость постоянного и сознательного в течении жизни повышения и верификации своей компетенции в меняющихся условиях рынка труда и следует, не мысля иного, этой поведенческой модели, так и тот факт, что современная социально-экономическая система для своего сохранения и развития требует формирования инстанций принуждения к подобной организации субъективности. В этом смысле экономика знаний и образование в идеале должны совпасть, то есть образование в смысле сущностного «самообразования» индивида, выражающего энтелехию его бытия, должно полностью редуцировать ткань общественной системы к этой провозглашаемой в качестве ее собственной природы основе.

Парадоксальность данного идеологического основания феноменально очевидна: новая модель социальности и педагогики, по существу, апеллирует не к молодежи, которая, кажется, оказывается ключевым социальным субъектом производства в экономике знаний и одновременно основным потребителем его продуктов, по меньшей мере в ее медийном образе, как наиболее креативный и восприимчивый к инновациям общественный класс, но скорее к «вечной молодости». Эта новая общественно полезная

добродетель призывается и актуализируется, сколь бы утопичной и лишней какой-либо меры понятия с позиций человеческого здравого смысла она ни выглядела. Ведь фактически именно молодежь, которая, собственно, и призвана стать генератором социального обновления в ходе современной информационной революции, оказывается в «обществе знания» наиболее незащищенной социальной стратой. Так, студенты едва ли не наиболее многочисленная из молодежных групп в развитых и развивающихся странах, в том числе в России, и при этом именно на рынке профессиональных кадров высшей квалификации, ряды которой студенты должны пополнять, наблюдается наиболее высокий уровень конкуренции. Высшее образование в современной экономике знания необходимо, но совершенно недостаточно для получения квалифицированной работы, и как следствие, поступая в вуз, молодые люди изначально оказываются в ситуации полной неопределенности относительно собственных профессиональных и жизненных перспектив*. Ситуация усугубляется еще и тем, что экономика знания предполагает постоянную верификацию профессиональных навыков, разнообразие, диктуемое капиталистическим рынком, форм занятости, среди которых постоянная занятость все более и более уступает позиции неполным, разовым, предполагающим различные, часто далеко отстоящие в дисциплинарном смысле друг от друга компетенции, получить которые крайне сложно в ситуации разрыва между классическими моделями образования и современными формами рынка, прежде всего потребительских услуг**.

Современный рынок с его все расширяющимися требованиями постоянной переквалификации и верификации трудовых навыков и компетенций в перспективе предполагает переход к моделям постоянного переобучения работников в течение всей трудовой жизни, то есть переход к практикам непрерывного образования, в которые будут вовлекаться все более многочисленные социальные группы. Что и происходит в реальности: старость, которая, как известно, приходит всегда неожиданно, в современном обществе *нормативно* отодвигается за пределы срока своего естественного наступления, и под лозунгами сохранения экономической эффективности пенсионных систем, оправданным статистикой увеличения продолжительности жизни, в развитых и развивающихся странах происходит повсеместное увеличение сроков достижения пенси-

* Для развитых стран Западной Европы эта констатация относится еще к 1980-м годам (Бек 2000: 218–230).

** См. обзор проблемы применительно к российскому образованию: (Муромцева 2014).

онного возраста, тенденция, в 2018 г. затронувшая также и российское общество, при том что именно в России трудовой рынок отнюдь не ориентирован на людей предпенсионного возраста, а продолжительность жизни едва превышает новые нормативы выхода на пенсию (в первую очередь это касается мужчин).

Как таковые социально-экономические и идеологические процессы, характерные для «общества знания», служат почвой для многообразных социальных конфликтов, усугубляемых проблемой миграции из стран «третьего мира». В целом их многообразие можно свести к основному противоречию: к проблеме социального неравенства и сопутствующих ей проявлений нетерпимости к людям иной национальности, веры, социальной группы, к власти предрержащим и их идеологизированным в неолиберальном духе медиативным структурам управления обществом, нетерпимости, питаемой идеологиями крайне правого и левого толка, то есть различными формами национализма и антикапиталистического универсализма (радикальный коммунизм, антиглобализм и т.д.).

Идеологическая коррекция представлений о реальности в русле воспитания «толерантности» и структурные изменения образовательных моделей, ставящие своей целью менеджериализацию управления образованием и приближение его к реальным потребностям рынка труда, в этой связи с точки зрения идеологии неолиберализма кажутся наиболее предпочтительными методами разрешения социальных конфликтов современного «общества знания». Однако такого рода реформы, в свою очередь, во многом сами подпитывают уже прежде возникшие основания социальных конфликтов, порождая новые и трансформируя существо старых. Так, сама установка на воспитание толерантности с точки зрения как идеологов неолиберализма на Западе, так и идеологии консервативного патриотизма, характерной для современной России, призванной соединить неолиберальные модели в экономике с идеей полиэтничного национального государства, должна идти рука об руку с осуществляющейся на практике в условиях капиталистического рынка экономико-социальной пролиферацией индивидов по ту сторону их национальной и социальной идентичности. Но подобные процессы, отчуждая индивидов друг от друга, размывая в том числе и традиционные логики профессиональной идентичности, как раз и являясь условием производства новых маргинальных групп, для которых стрессовое насилие — всего лишь ответ на манипулятивную и диспаратетную логику социальной системы, отрывающей их от традиционных моделей устойчивого праксиса и сталкивающей в конкурентной игре друг с другом по ту сторону традиционных форм групповых различий. Как следствие, данные различия, все формы раз-

личных национализмов, идеологии, религиозного экстремизма возвращаются в новом, непонятном обличье. Непонятном, поскольку они включают в себя рефлексию самой социальной системы со стороны составляющих ее актантов, превратившей их в атомарных индивидов на глобальном экономическом рынке труда.

Как пример можно взять наиболее радикальное террористическое движение современности ИГИЛ, для которого имя «мусульманин» стало местом сборки полиэтничной, полинациональной, социально индифферентной, не сводимой к реальной религиозной идентичности общности, предлагающей социально-политическую альтернативу глобальному обществу в целом, такую альтернативу, которая сама глобальна и противопоставляет радикальное насилие его лживым с этой точки зрения, скрытым за фасадом цивилизованных норм формам, практикуемым западной цивилизацией. Проблема современного экстремизма и всех форм социального радикализма, таким образом, строго симметрична форме современной глобальной капиталистической экономики, представляющей себя экономикой знаний, и может быть обозначена как проблема рефлексивного (дискурсивно самосознающего себя) экстремизма, то есть такого, который включает в себя ироническую форму оправдания, обращенную как к противнику, так и к тем, кто должен осуществлять его профилактику. Опасность подобной формы экстремизма очевидна, поскольку он уже не обязательно связан оперативными моделями массового действия, но изначально позиционирует себя в качестве акционизма одиночек и малых групп при подразумеваемой молчаливой поддержке анонимного сообщества «угнетенных» и «разочарованных», которые «тоже знают» и знают то, что знает и сам акционист, то есть то, что он прав ровно настолько, насколько неправы те, к кому обращен его вызов.

«Новый гуманизм» в этой связи выступает одной из форм идеологического прикрытия существа неолиберальной стратегии управления современным обществом, по отношению к которым теоретический марксизм в очередной раз выступает в качестве критической инстанции прояснения их существа. Неслучайно в последние годы местом сборки аналитических моделей рефлексии соответствующих тенденций позднекапиталистического развития оказался концепт так называемого «когнитивного капитализма», в своем роде марксистской транскрипции «общества знания». При всех моментах несоответствия марковского понимания логики капитала современным реалиям капитализма снова выясняется, что именно марксистская политэкономия и ее понятийный инструментарий сохраняют эвристический потенциал, позволяющий прояснить и дать адекватную оценку тенденциям развития современного общества. Сформировавшийся

в первые годы этого века подход к анализу реалий современного общества с позиций «когнитивного капитализма», по существу, не составляет единой теории, но объединяет множество исследователей*, в большинстве своем не марксистов, но нашедших в теории Маркса необходимый язык, на котором возможна пусть и не акционистская, но теоретически внятная речь о тех трансформациях, которые претерпевает современный капитализм. Как замечает А. Корсани, при всех разногласиях все эти исследователи разделяют две концепции: «Все они видят в когнитивном капитализме мутацию не менее важную, чем переход от торгового к промышленному капитализму, и все они считают знание основой этой новой формы капитализма» (Корсани 2007: 123–124).

Этот подход не исходит из полной редукции всего многообразия социальных отношений к экономике и, в частности, к капиталистическому рынку, но констатирует тот факт, что капиталистическая модель развития общества является в первую очередь политико-идеологической формой организации и осуществления власти, направленной на полную экономизацию общественных связей. По существу, данная идея отражает консенсус, сложившийся в последние десятилетия среди теоретиков современного общества, принадлежащих самым различным дисциплинарным полям. Как замечает Марк Грановеттер, если в традиционном обществе экономические отношения, как бы глубоко они ни были укоренены в социальности, подчинялись принуждениям социального символизма, то «теперь мы имеем дело с зеркальным отражением традиционной ситуации: уже не экономическая жизнь подчинена социальным отношениям, а эти отношения становятся эпифеноменом рынка» (Грановеттер 2004: 145). Из чего непосредственно следует, что теперь сама форма самосознания также понимается в качестве такого эпифеномена, требующего включения разума в качестве инструментальной структуры разума как такового, то есть сознание сводится к принятию решения о таком включении, которое фактически уже произошло, но не признано, что и вызывает чувство дискомфорта, ощущения возможности обмана и манипуляции.

Такого типа субъективность обычно описывается в экономической теории посредством понятия «человеческий капитал». Современные экономисты начинают рассматривать заработную плату не в качестве меновой стоимости на рынке труда, а как доход и соответственно, следуя классическому экономическому определению, находят основание такого дохода

* Вот список только некоторых работ и коллективных изданий: (Marazzi 1997; Corsani 2000; Corsani, Dieuaide, Moulrier-Boutang, Paulré, Vercellone 2001; Moulrier-Boutang 2002; Lazzarato 2004; Corsani, Moulrier-Boutang, Lazzarato 2004; Vercellone 2006).

в базовом (постоянном, в терминах марксистской политэкономии) капитале. В качестве капитала при этом выступает совокупность всех физических и психологических факторов, которыми обладает тот, кто способен получать ту или иную заработную плату. Подобный взгляд, характерный, по существу, для всей экономической теории, в наиболее откровенной форме можно найти еще у Гари Беккера, попытавшегося дать неоклассическое экономическое определение практически всем социальным наукам. Он открыто провозглашает то, что только подразумевалось другими экономистами: «Экономический подход сегодня признает, что индивиды максимизируют свою полезность исходя из базовых предпочтений, медленно изменяющихся во времени, и что поведение различных индивидов координируется явными и неявными рынками... Экономический подход не ограничивается материальными товарами и потребностями, или рынками с монетарными транзакциями, и концептуально не различает главные и второстепенные решения или “эмоциональные” решения и все остальные. В действительности экономический подход задает рамки, применимые к любому человеческому поведению: для всех типов решений и любого социального положения» (Беккер 2003: 236). Труд перестает быть товаром и превращается в капитал. Все человеческие способности и компетенции рассматриваются по образу машины, производящей поток доходов, со всеми сопутствующими ей условиями амортизации: апробацией в молодости (низкая заработная плата), стабильным использованием (возрастающая заработная плата) и износом в старости (снижающаяся заработная плата). Такого рода капитал-компетенция как раз и именуется «человеческим капиталом».

Соответственно понятие Homo economicus приобретает новые черты и уже указывает не на озабоченного партнера в рыночном обмене, продающего свой труд и покупающего на заработанные деньги товар, а на антрепренера самому себе, фирму или предприятие в одном лице и законного участника единого рынка производства и потребления. Производство есть потребление, поскольку всякая человеческая машина, производя, потребляет сырье, произведенное другой машиной, и так без конца. В свою очередь, потребление есть производство, на этот раз процедур самоудовлетворения, поддерживающих физические возможности и коммуникативно-техническую компетенцию. Можно вспомнить классическое определение К. Маркса, перефразировавшего экономистов первой половины XIX в.: «Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое

собственное тело, — это совершенно ясно; но это же приложимо и ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство» (Маркс 1958: 716).

Современный тип конституции социально-экономического процесса доводит это определение до его рефлексивного претворения в реальность: сама действительность социума должна прочитываться подобным образом всеми его членами, а медиа предоставляют им подходящий язык описания и самопонимания. Производство первичнее потребляющего производства, но на уровне только способности к производству они идентичны. Тайна первоначального накопления капитала не просто доведена до сознания, но служит непосредственным оправданием и рациональной дескрипцией реальности современного капитализма. «Исторический анекдот» о трудолюбивых и бережливых избранниках и во всем им противоположных ленивых оборванцах, в незапамятные времена вступивших в отношения рыночного обмена (Маркс 1987: 662), приобретает материальную плотность в трактовке творческой способности человека в качестве постоянного капитала, к которому сводится и его природа, и его субъект. Человек-предприятие, с позиций идеологов экономической целесообразности, более не связан моделью отчужденного труда, но встроено в единую цепочку производства — потребления, элементы которой совершенно синхронны и совпадают друг с другом, просто необходимо избавиться от ощущения тягости труда, ибо и отдых есть труд по воспроизводству возможностей производства, осознать бессмысленность идеи эксплуатации, смерить недоверие перед работодателем ввиду того, что тот и сам является таким же предприятием, наконец стать рациональным субъектом самосознания без сознания.

Иными словами, то, что на поверхности выглядит как призыв включиться в свободное движение потребительского рынка и наконец стать достойным «потребителем», в действительности выступает как требование стать сознательным целерациональным производителем во всякий момент собственной жизни, используя все ее ресурсы, в том числе посредством потребления, что в реальности в финансовой сфере приводит к потреблению уже не столько товаров, сколько их обобщенного номинала (денег) в виде кредитных заимствований и иллюзорных форм собственности на деньги, воплощенной в расширяющейся сфере фондовых и валютных рынков. Число реальных собственников капиталов при этом неизбежно только сужается, и структурное различие малых и больших денег и соответствующее им различие тех, кто работает на другого и не работает вовсе, поскольку система работает на них, остается скрытым за фасадом всеобщего

упоения воплощенной в банковских счетах и акционерном капитале мнимой всеобщностью неразличимости между производителем и потребителем. И только перманентно возникающие малые и большие кризисы обнажают так организованную реальность современного глобального капитала.

Проблема рефлексии свойственного ранней политэкономии и идеологии конкурентного рынка оправдания неравенства анекдотом о природном различии людей снимается, как только удобное для «гегельянца» абстрактное отождествление производства и потребления (Маркс 1958: 720), поддерживаемое апелляцией к подобной интерпретации источника первоначального накопления капитала, оказывается самим этим источником: именно человеческая способность к производству, как бы мы его ни толковали, есть капитал. И этот капитал индивиды слишком по-разному используют, поскольку не мыслят всецело позитивный характер капиталистического производства, его безальтернативность.

Очевидность того, что такая модель интерпретации реальности капитала — лишь очередная идеологическая уловка, хорошо видна на уровне анализа выделяемого в марксистской политэкономии отношения переменного (живой труд, воплощенный в физических и умственных навыках и способностях работника) и постоянного («прошлый», мертвый труд, воплощенный в технических орудиях труда) капитала. У Маркса в этом понятийном контексте проблема функционирования капитала сводилась к тому, что амортизация основного капитала не может быть понята на основе теории стоимости труда. Поскольку отношение «производство — потребление» имеет временную структуру и меновая стоимость продукта производства определяется суммой заработной платы и дохода (переменный капитал), то стоимость потребленного в процессе производства постоянного капитала не может быть непосредственно перенесена в отпускную цену товаров. Труд, производящий машины (средства производства), купленные капиталистом, не может быть воспроизведен или амортизирован трудом по производству продукта. При этом и то (труд, который произвел машины), и другое (труд, производящий конечный продукт) есть живой труд, и он к мертвому труду не сводим, а потому труд, производящий продукт, не производит стоимости постоянного капитала, вложенной в производство этого продукта (в этом смысле этот последний и есть мертвый, прошлый труд). Конечно, многократное использование (амортизация) постоянного капитала дает доход, способный покрыть сумму заработной платы, прибыли и самого постоянного капитала, но, несмотря на сопровождающую расширенное воспроизводство капитала его концентрацию, в том числе на уровне полных циклов производства конечных продуктов потребления, этот доход нельзя в полной мере

извлечь, то есть перевести в монетарную форму, поскольку распределенные в процессе производства на зарплату и прибыль доходы не будут достаточны для полного обращения потребительских продуктов в деньги.

Этот парадокс объясняет постоянные для капитализма кризисы пере-производства, и его решение Марксом сводится к редукции постоянного капитала к переменному, то есть к природному чуду воспроизводства живого труда, помимо его потребительной стоимости (то есть к чуду физического порождения человека человеком, воспроизводства человеческих способностей и самой возможности трудиться и потреблять). Как указывает Маркс в первой книге «Капитала», «сохранять стоимость посредством присоединения стоимости — это есть природный дар проявляющейся в действии рабочей силы — живого труда, дар природы, который ничего не стоит рабочему, но много приносит капиталисту, именно обеспечивает ему сохранение наличной капитальной стоимости. Пока дело идет успешно, капиталист слишком сильно погружен в извлечение прибыли, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осязательности» (Маркс 1987: 196). В итоге сама способность «сохранять стоимость посредством присоединения стоимости» означает, что живой труд не сводится к историческим формам функционирования капитализма и остается «природным», постоянным качеством, собственно способностью, не отличимой от ее актуализации на чуждом ей поле капиталистического производства. Отсюда проистекают два следствия:

1. Процесс капиталистического производства бесконечен в ретроактивном времени кредита, предоставляемого самой природой, что на другом конце отношения выражается в символическом подражании ей, то есть символический эквивалент воспроизводящей избыток стоимости силы природы — деньги — должен быть избыточен, пусть и путем разнообразными мерами создаваемого искусственного дефицита, по отношению к товару. «Первоначальные накопления» парадоксально даже в ситуации кризиса в итоге должны превышать спрос (то есть применительно к потребительскому рынку он также должен производиться искусственно посредством расширения и диверсификации потребительных стоимостей, что требует ретроактивно «первичных» капиталовложений, как бы добавленных извне во всякий данный момент времени «нормального» состояния рынка потребительских товаров*).

* Современное общество потребления теоретически было обосновано еще у представителей классической политэкономии до Маркса и у него самого, вот марксова формулировка: «Производство доставляет не только потребности мате-

Это обстоятельство не укладывается в классическую схему производства меновой стоимости. В итоге инфляция оказывается постоянным элементом роста капитализации рынков, его в полной мере логически необъяснимым избытком, знаком дефицита и вечно ожидаемого спада. И это при том, что за счет технических новаций при расширенном воспроизводстве капитала величина постоянной части капитала в отношении его переменной части постоянно растет, и таким образом на каждом относительно кратком промежутке времени удешевляется меновая стоимость продукта. Но именно в этом противоречии в процессе исторического развития капитализма обнаружилась функция государства на капиталистическом рынке, его регулятивный (помимо функции применения легитимного насилия, защиты интересов капитала в марксистской интерпретации) характер и собственная для капитала необходимость: государство всегда уже имеется при системе рыночного обмена, заводя его глохнущую машину при помощи увеличения денежной массы (например, за счет введения общественных работ в кейнсианской модели рынка), обеспечивая спрос и позволяя в конце концов амортизировать постоянный капитал за счет поддержания физического воспроизводства живого труда. Отвечая на вопрос Маркса, неразрешимый применительно к фордовской модели индустриальной экономики, К. Марацци в связи с этим замечает: «Борьба за “государство всеобщего благоденствия”, сопровождавшая историческую консолидацию фордистского режима, свидетельствует о постепенном политическом признании биологических затрат, которые оставались скрытыми за “естественным качеством” рабочей силы. С созданием спроса добавочного по отношению к тому, который исходит от капитала (при помощи, и это неслучайно, механизма общественного дефицита), кейнсовское “государство всеобщего благоденствия” фактически ответило на вопрос, поставленный Марксом в размышлениях над

риалу, но и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени само было бы результатом закосневшего в природной грубости производства, — то оно само, как побуждение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно в нем ощущает, создана восприятием последнего. Предмет искусства — нечто подобное происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета. <...> Эта последняя ... идентичность (производства и потребления. — О.Н.) многократно разъясняется в политической экономии в отношении спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом» (Маркс 1958: 718–720).

проблемой амортизации постоянного капитала: “Кому он их продаст? Кому принадлежат деньги, на которые он их обменяет?”. Он их продаст рабочему классу, за которым государство вынуждено признать биологическое измерение, выходящее за пределы измерения исключительно производственного» (Марацци 2007: 122).

2. Формально это означает, что капиталу, чтобы поддерживать нормальное функционирование цепочки купли-продажи $T - D - T$, необходимо было взглянуть на живой труд и рабочую силу не только как на статью расходов при формировании меновой стоимости, но и как на капиталовложение, поддерживающее постоянство функционирования цепочки $D - T - D$, то есть как на чистую, еще не актуализированную способность. Природное качество живого труда, его «естественность», потусторонняя действительности самого капитала, тот факт, что он остается живым, даже выпав из порядка капиталистического производства как остаток прошлого, мертвого труда, так же как любого рода иное сырье, может быть осознано как возобновляемый ресурс функционирования капитала. Однако как таковой ресурс и чистая способность к труду для капитала он остается только материальным ресурсом, частью суммы формирования меновой стоимости, то есть постоянным капиталом. Как замечает Марацци, «с Марксом можно не соглашаться в одном пункте: в утверждении, что естественное качество “ничего не стоит работнику”» (Марацци 2007: 121), поскольку живой труд как чистая способность есть таковая только для капитала, там, где рабочая сила толпится на входе в функциональную структуру капиталистического производства, и в этом смысле есть постоянный капитал, но в действительности это и есть сама жизнь, человеческое усилие воспроизводства человеческого как такового, начиная с биологического воспроизводства человеческого рода и заканчивая усилием, направленным на достижение опыта осмысленного существования.

Данное различие живого и мертвого труда не признавалось в основанной на чисто логической и математической форме экономического анализа модели классического экономизма с ее чисто рациональным, обналеченным в функции выбора товара согласно минимальным издержкам на решение о цене покупки субъектом менового рынка. И это же различие, признавая в понятии «человеческого капитала» наличие биологической и культурной составляющей труда, в действительности отрицают теоретики и практики современного неолиберализма, только теперь уже на уровне мнимого совпадения уровней производства и потребления (меновая стоимость), совпадения неполного в силу издержек биологического характера, попытка упразднить которые выражается

в организации современных рынков фармакологии и биогенетических технологий улучшения способности к труду. По существу, современный неолиберализм опирается на теоретическую фикцию «первоначального» или «естественного» состояния человеческой природы, как когда-то на понятия «естественных» морали, религии, права и т.д. Это естество, как постоянный капитал, таким образом можно мыслить и 1) как конкретное капиталовложение, то есть как кредит, который по первому зову капитала необходимо вернуть (вступить в экономико-гражданское состояние, если перефразировать правовые понятия классического либерализма с его цезурой между «естественным» состоянием общества и «гражданским», по отношению к актуализации которого посредством фикции «общественного договора» естественное состояние мыслилось только в качестве чистой способности), и 2) как такой капитал, который, уже будучи вложенным в систему функционирования капиталистического производства, может привести по мере технического развития к полному выделению самодостаточной сферы овеществленного в машинах постоянного капитала, способного полностью обеспечить потребительские запросы населения, то есть принести постоянный и неубывающий доход, уже независимый от сферы функционирования труда. Такой труд по ту сторону и на основе подобного капиталовложения, сделанного обществом в целом, стал бы бесконечным отдохновением и безграничным потреблением. Машина капитала в этом смысле представляется и провиденциальным механизмом исправления «падшей» человеческой природы посредством тяжелого труда «в поте лица своего», и средством спасения, обещанием стереть последние следы события грехопадения.

Таким образом, как таковой концепт капитала-компетенции (человеческий капитал) на практике предполагает капитализацию самого воспроизводства способности к труду и размывание границы между трудом и отдыхом. Соответственно современный капитализм настаивает не просто на следовании модели конкурентного рынка, но включает процедуры рационального формирования самих условий его существования. И как следствие, требование административной реформы становится перманентной характеристикой современных систем государственного управления обществом. При этом условия такого реформирования (структура и характер бюрократических организаций, организационная культура, система принятия решений, систематическая связь политических и управленческих функций и т.д.) сами по себе прямо не могут быть соотнесены с экономическими показателями, поскольку составляют замкнутую в отношении к рыночной экономике систему производства общественных благ с нулевой нормой прибыли с точки зрения классического экономизма,

отрицающего экономический смысл различия живого и мертвого труда. Попытка разомкнуть ее навстречу рыночным отношениям поэтому оказывается основной целью административных реформ. По существу, речь идет о специфическом переходе к оценке не только работы бюрократического аппарата государства, но и всех видов социального капитала, производимого в обществе, сквозь призму экономической количественной оценки. Данное обстоятельство свидетельствует о характерном для современного общества специфическом вовлечении всех его сегментов в процесс тотальной организации на экономической основе. Фактически данный процесс необратим в силу того, что количественное исчисление административного капитала государственной власти и соответственно иных видов государственного социального капитала оказывается одновременно единственной формой общественного контроля над ней*.

Как следствие, современная модель управления посредством капиталистической экономизации общества включает в свои оперативные определения рефлексию самой общественной системы в виде регламентации сознания индивидов на основе их социальных прав, внося новый смысл в понятие о естественных правах человека и тем самым косвенно признавая в качестве капитала также потребность человека к осмыслению собственного существования. Это новое измерение в логике накопления капитала зафиксировал еще М. Фуко, когда в своих курсах лекций в Коллеж де Франс 1977–1979 гг. показал, что либерализм с самого момента своего появления являлся не столько экономической доктриной, сколько техникой управления поведением, в которой дискурс классической политэкономии изначально исходил не только из анализа производства и обращения стоимостей, но в первую очередь из измерения изобретения техник, при помощи которых государство могло бы формировать условия и регулировать процессы, способствующие обеспечению богатства нации.

* Последний из публично обсуждавшихся концептуальных подходов к реформированию государственного управления, концепция нового способа управления (governance), демонстрирует некий идеальный эталон современного понимания управления, к которому необходимо стремиться правительствам всех государств. В документах «Программы развития» ООН, говоря о «хорошем управлении» («good governance»), ее разработчики дают следующее его определение: «“Governance” можно рассматривать в качестве практики экономической, политической и административной власти по управлению делами государства на всех уровнях. [Это понятие] объединяет механизмы, процессы и институты, через которые граждане и группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют обязанности и балансируют между различиями» (UNDP 2002: 28). См. также: (Мэннинг, Парисон 2003).

И если классический либерализм XVIII–XIX вв. видел в рынке выражение «закона природы» с его конкурентной моделью индивида, максимизирующего прибыль, то современный неолиберализм, корректируя эту наивность классического либерализма, исходит из того, что актуализация логик чистой конкуренции возможна только при проведении направленной на эту цель активной политики. Человек по природе ленив, и требуется множественное и бесконечное усилие, чтобы заставить его подчиняться требованиям поведенческой модели рыночной конкуренции, для чего в ретроспекции и понадобились усилия государства с момента первоначального накопления капитала по биополитическому формированию субъектов рыночной экономики. Теперь же стоит задача структурировать все общество и каждого индивида по модели предприятия. Этому и служит вовлечение всех сегментов общества в капиталистический рынок, который должен полностью подчинить себе труд по воспроизводству биологической и социальной жизни*.

В результате концентрация информационного капитала (в терминологии П. Бурдьё) становится важнейшим механизмом роста капитала административного, обуславливающим процедуры регуляции процессов конвертации различных видов социального капитала, и как следствие процедуры накопления основных видов государственного социального капитала (юридического, символической номинации, капитала физического принуждения, экономического, политического). Так, эффективность образовательных учреждений (образовательный капитал) оценивается с точки зрения индивидуализированных форм символического капитала, к каковым относится физический капитал (способность к труду — возраст преподавателей, кандидатов и докторов наук), культурный капитал (навыки социализации — количество и процентное соотношение кандидатов и докторов наук, доцентов и профессоров) и человеческий капитал (профессиональные знания, умения и навыки — количество публикаций, в том числе в рейтинговых изданиях, вызвавших определенный уровень откликов и цитации). В результате такого рода оценки становятся условиями конвертации отдельных видов социального капитала в экономический (в нашем примере — увеличение бюджетного и частного финансирования рейтинговых образовательных учреждений). А традиционные формы образовательных практик, не поддающиеся количественному учету (устная передача знания от учителя к ученику, универсальность образования, нестандартные формы мыслительных практик и стилей выражения),

* См. рус. пер. названных лекций Фуко: (Фуко 2011; 2010). См. также: (Бурдьё 2016).

маргинализируются, а в действительности выводятся в кластер элитного образования.

Таким образом, задача, которую вынужден решать современный капитализм в связи со сложностью количественного исчисления результата такого типа общественного труда, который не имеет меновой стоимости, и невозможностью полной внешней формализации интеллектуальных способностей, навыков и способов коммуникации, направлена на формирование условий производства самомотивации к эффективному труду в среде нового рабочего класса, в число которого попадают все те, кто не обладает широкими возможностями денежных инвестиций в рынки капитала. Все это было бы невозможно без прогресса информационных и когнитивных технологий, которое в силу предельного снижения цены не только постоянного капитала, но и в первую очередь переменного (трудовых издержек) в конечном продукте, ведет к почти нулевой меновой стоимости товаров, обеспечивающих информационное обеспечение процессов управления и производства подавляющей части продуктов потребления, удешевляя также высокотратные продукты производства (например, сельское хозяйство, военная промышленность). Поэтому вложения в технологии создания образцов искусственно многократно завышаются и вписываются в цену серийного продукта. В так формирующемся «обществе знания» источником стоимости, таким образом, является знание или информация, часто — при полном отождествлении этих понятий. В этом смысле ситуация когнитивного капитализма определяется изменением отношений между капиталом, знанием и жизнью. Можно даже вслед за А. Корсани сказать, что «на новой, когнитивной фазе капитализм преобразует отношение капитал — труд в отношение капитал — жизнь» (Корсани 2007: 124).

Промышленный капитализм эксплуатирует знание, овеществленное в машинах и приборах («мертвое» знание), поскольку таким типом знания, воплощенном в труде множества безымянных рабочих, не подразумевается и не может подразумеваться отсылка к субъективности участника производства: здесь господствует марксова логика отделения трудящегося от машины, от собственности на средства производства. В условиях когнитивного капитализма источником стоимости перестает быть абстрактно понимаемый труд, для современного капитализма производительной силой является уже не собственно труд, но индивидуальный опыт, интеллектуальные и творческие способности человека, воображение в широком смысле коммуникативных способностей и мотиваций к труду и общению, которое в этой связи также понимается в качестве специфической формы труда, доступного капитализации на рынке услуг. Таким

образом, в условиях когнитивного капитализма в процессе труда участвует не усредненный индивид с заранее заданными функциональными навыками, требующимися для того или иного типа трудовой деятельности, но сама тематизация понятия «человеческий капитал» подразумевает, что источником рыночной стоимости оказывается «живое» знание, которое не может быть формализовано. В формулировке А. Горца: «Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта покрывает целый спектр способностей, от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая и способность связывать новое с уже наличным опытным знанием» (Горц 2007: 11). Более того, живое знание остается живым и в отсутствии собственной актуализации в производстве, простаивая, независимо от сменяемости своих носителей, и, соответственно, его амортизация не ведет к его полной утрате, но, напротив, есть условие воспроизводства собственного содержания знания. Иными словами, живое знание есть продукт живого труда по культурному воспроизводству индивидов, его производящих и воспроизводящих независимо от логики накопления капитала. По словам Марацци, «живой и наличный труд работника представляет собой непрерывную трансформацию человеческого материала (который есть не что иное, как результат прошлого труда), с и над которым и идет работа. Эта деятельность расходует или, скорее, сохраняет, расходуя, совокупность социально заданных в определенный период времени умений и знаний. Именно по причине этого воспроизводящего расходования, по причине повторного использования социально заданного постоянного капитала, инвестирование в человеческой капитал должно включать в себя амортизацию. Амортизация обеспечивает воспроизводство «общих производительных сил общественного разума», накопленного человеческого материала, который, если его лишит деятельности живого труда, станет «мертвым языком»» (Марацци 2007: 117).

В современной ситуации реальность живого труда не только осознается как данность «представителями» бизнеса и капитала, но открыто признается в качестве программы и инструкции к действию, как принцип «кадровой» политики предприятий. Таким образом, по словам Корсани, «предметом экономического анализа выступает уже не процесс производства или накопления капитала, не оптимальное распределение ресурсов, а рациональное поведение человека... По мнению нелиберальных теоретиков, такие ресурсы должны расти качественно и количественно, если ставится задача повышения их стоимости на конкурентном рынке труда. Поэтому создание человеческого капитала требует экономической

рациональности, а также вложений в сферу образования, если человек принимает индивидуальный выбор вкладывать в развитие собственного “человеческого капитала”. <...> Любое поведение, не вписывающееся в логику “капитализации своего я”, должно быть приведено к рациональным нормам человеческого капитала, в чем и состоит необходимость государственного вмешательства. Наращивание человеческого капитала является условием экономического роста. Согласно этой теории, люди могут делать “неоптимальный” выбор в выделении времени на образование, и тогда необходимы меры, стимулирующие и направляющие ход образования, не говоря уже о собственно побуждении к образованию. Таким образом, в перспективе, открытой американским неолиберализмом, вся образовательная система равняется на экономику и оценивается по критериям экономической рентабельности. “Управление поведением” в данном случае выражается в стимулировании (а точнее, в принуждении) к образованию, ориентированному на нужды общества-предприятия. Миф об обществе знания и свободной кооперации его агентов, ориентированном на общие ценности и “устойчивое развитие”, окончательно развеивается» (Корсани 2007: 138–140).

Как таковое «общество знания» скрывает под собой апорию, которую и призвана в своей манере решить программа «новой педагогики», совмещая внешне несовместимые элементы. Существо данной апории состоит в том, что знание в акте своей передачи не выражается в полной мере посредством формы экономического обмена. Строго говоря, знание не может потребляться, так как его «потребление» не является деструктивным, знание в ходе потребления не разрушается. Напротив, оно приводит к созданию других знаний, которые могут, в свою очередь, распространяться в большем или меньшем масштабе: обращение знаний становится основным моментом процесса производства. В ситуации экономического обмена каждый может извлечь выгоду, но только при условии того, что он отдает то, чем до акта купли-продажи владел. При обмене знаниями тот, кто их отдает другому, не теряет их. Знание социализируется в процессе обращения, но не меняет собственника, оно только находит новых потребителей-собственников. В этом смысле сущность знания предполагает его свободное использование и свободное им овладение.

Напротив, пропущенное через матрицу различия живого и мертвого труда, знание претерпевает искусственную процедуру превращения его в редкий продукт, то есть в товар, средство извлечения прибыли. Мертвое знание вырабатывает свой ресурс, поскольку представляя собой формализованное знание, оно отделено от своего материального и человеческого носителя и может быть практически бесплатно размножено и использо-

вано на универсальных носителях. Соответственно его товарная стоимость обратно пропорциональна его распространению. В этом смысле еще неформализованное, или живое, знание в силу своей уникальности, казалось бы, обладает дополнительной степенью защиты от обесценивания его как товара и капитала. Однако посредством политики лицензирования и патентования превращенное в информационный капитал знание приобретает черты мертвого, направленного на увеличение дохода, вместо того, чтобы свободно распространяться и увеличивать свою общественную полезность, те черты, которые свойственны его природе, когда эксклюзивность его открытия как бы уравнивает целиком неформализуемые знания (произведение искусства), и те, которые формализуемы бесконечным образом: в обоих случаях они служат производству нового знания. Собственно логика когнитивного капитализма в формальном смысле сводится к созданию дефицита там, где прежде царило изобилие. Эксклюзив сам становится обязательной чертой товара, а произведение искусства, которому прежде принадлежало данное качество, замещается экзотикой, дизайном, рекламой, стратегиями обольщения покупателя посредством демонстрации при помощи товара его собственной исключительности и индустрией моды. Таким образом, живое знание может быть не только капитализировано, оно может быть использовано как инструмент управления рынком, который, с одной стороны, закрепляет позиции его правообладателя, а с другой — служит, хотя и временно, до этапа обобществления знания, снижению рисков конкуренции, и, следовательно, может способствовать извлечению сверхдохода в условиях, когда цена товара уже более в полной мере не регулируется меновым рынком. Поэтому процесс инноваций в когнитивном капитализме становится перманентным требованием и условием выживания не только конкретных предприятий, но и каждого отдельного человека-предприятия.

А. Корсани резюмирует данную ситуацию следующим образом: «Как это ни парадоксально, в то время как политическая экономия как никогда настаивает на роли знаний в экономическом росте; в то время как политический дискурс объявляет своей приоритетной задачей создание “общества знания” — именно в это время количество патентов и других элементов интеллектуальной собственности стремительно и неуклонно растет, а юридическая система умножает свои механизмы контроля. Теоретическое обоснование это положение дел получает в моделях эндогенного роста, построенных на новаторской модели Пола Ромера: на чисто конкурентно (т.е. без обеспеченной законом защиты временной монополии на инновативные изобретения) построенном рынке никто не станет производить знания. Следовательно, государству выпадает роль создате-

ля инструментов принуждения: права на интеллектуальную собственность, которое обеспечивает “монопольную ренту” и является таким принудительным толчком. Либеральная экономика, призывающая государство вмешаться? Парадокс здесь только кажущийся. Неoliberalизм требует создания юридической охраны конкурентного рынка, который сам по себе, в природе, не существует... Неoliberalизм прибегает к большому числу разнообразных механизмов создания рынка и общества предприятий, состоящих друг с другом в отношениях конкуренции. Тем более это касается знания. Его неотъемлемая характеристика как общественно-го и общего блага противоречит сути конкурентного рынка, управляемого отношениями неравенства... но государство может создать такой рынок своими юридическими актами» (Корсани 2007: 141–142).

Параллельно этому возникает еще один парадокс, связанный с нежеланием капитала обеспечивать долгосрочные инвестиции в человеческий капитал на входе в структуры производственной деятельности: в самой сущности капиталистического принципа производства, неизменной со времен констатации Марксом, отсутствует непосредственная мотивация к тому, чтобы включать стоимость амортизации живого труда в цену заработной платы. В этом видят, с одной стороны, только инвестиционные риски, с другой — напротив, в первую очередь средство извлечения дополнительной прибавочной стоимости, примером чему служит широкое распространение практики аутсорсинга на современных высокотехнологичных рынках и все более расширяющаяся практика разделения высшего образования на кластер элитной педагогики «не для всех» и широкий сегмент практикоориентированного образования для масс. Как отмечает Марацци, «фактически в расчет берется только заработная плата... преимущественно как переменная выравнивания, либо как точное вознаграждение за трудовую деятельность (не включающее, таким образом, стоимость воспроизводства рабочей силы, которую необходимо поддерживать в периоды вынужденного бездействия), т.е. как переменная, зависящая от колебаний рынка, в частности рынка финансового. Например, капиталовложения в обучение на протяжении всей активной жизни рабочей силы, обеспечивающие воспроизводство основного человеческого капитала, резко сокращаются вследствие разрушения социального государства и увеличения стоимости обучения. Парадоксальным результатом этого сокращения общественных капиталовложений оказывается повышение стратегической важности социального когнитивного труда (и, таким образом, образования) и сопутствующее ухудшение условий жизни самих работников умственного труда (knowledge workers)» (Марацци 2007: 117).

Таким образом, система социально-политической организации условий существования современного капиталистического рынка может непосредственно рассматриваться в качестве источника той фундаментальной проблемы, которая придает нормативный характер понятию «новой педагогики» и одновременно исключает возможность полной реализации этого понятия об образовании на практике. Комплексность, всеобщность с точки зрения как широты охвата, так и возможности прибегать к обучению в любой момент жизни, а также равноправие в этой возможности должны быть обеспечены на формальном уровне и исключены на уровне рынка труда и политико-экономического отбора индивидов, на уровне их и их знаний товарной стоимости, что предполагает возникновение новых форм социальных конфликтов, свойственных только капитализму знаний.

Несложно предположить, что эти конфликты как раз и принимают описанную нами форму «рефлексивного экстремизма», когда в глазах самих экстремистов страх перед проявлениями экстремизма обывателей, к интересам которых апеллируют, подкрепляя свою легитимность власти, есть не что иное, как проявление «нечистой совести», неспособности непосредственно поддержать стремления, направленность и цели которых сами обыватели в действительности разделяют как собственные. Эта форма экстремизма характерна преимущественно для молодых, поскольку именно им, а не их родителям, достался тот опыт, который может дать только инвестиция их молодости в капитализм знания. Таким образом, деноминируются этический потенциал и политическая легитимность всех инстанций управления обществом, которое уже не способно дать понятную и однозначную этическую оценку собственным институтам ровно потому, что индивиды, его составляющие, прежде всего молодежь, его собственный потенциал, равным образом разделяют как ценности безграничного потребления, характерные для современной экономики знания, так и все, что служит разрушению ее основ, процедур и принципов функционирования.

Литература

- Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Беккер Г. (2003) *Человеческий капитал*. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ.
- Бурдьё П. (2016) *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
- Горц А. (2007) Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний. *Логос*, 4(61): 5–63.

Горц А. (2008) Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний. *Логос*, 1(64): 3–31.

Грановеттер М. (2004) Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. Радаев В.В. (сост.) *Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики*. М.: РОССПЭН: 131–158.

Корсани А. (2007) Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*, 4(61): 123–143.

Марацци К. (2007) Тело-машина и его амортизация. *Логос*, 4(61): 114–122.

Маркс К. (1958) Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов). Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. в 50-ти т.* Т. 50. М.: Политиздат: 709–738.

Маркс К. (1987) Капитал. Критика политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. *Избр. соч. в 9-ти т.* Т. 7. М.: Политиздат.

Муромцева А.К. (2014) Высшее образование в условиях становления экономики знаний: императивные изменения. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*, 5(105): 162–169.

Мэннинг Н., Парисон Н. (2003) *Реформа государственного управления. Международный опыт*. М.: Весь Мир.

Фуко М. (2010) *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука.

Vokova I. (2010) *Un nouvel humanisme pour le XXIe siècle. Discours prononcé par la Directrice générale de l'UNESCO à Milan (Italie), le 7 septembre 2010*. Imprimé par l'UNESCO.

Corsani A. (dir.) (2000) Nouvelle économie politique. *Multitudes*, 2.

Corsani A., Dieuaide P., Moulier Boutang Y., Paulré B., Vercellone C. (2001) *Le capitalisme cognitif comme sortie de la crise du capitalisme industriel: un programme de recherche*. P.: Actes du Forum de la Régulation.

Corsani A., Moulier Boutang Y., Lazzarato M. (2004) *Capitalismo Cognitivo, propiedad intelectual y creacion colectiva*. Madrid: Traficantes de Sueños.

Lazzarato M. (2004) *Les révolutions du capitalisme*. P.: Les Empêcheurs de penser en rond.

Marazzi Ch. (1997) *La place des chaussettes, le Tournant linguistique de l'économie et des conséquences politiques*. P.: l'Éclat.

Moulier-Boutang Y. (ed.) (2002) *L'età del capitalismo cognitive*. Verona: Ombre Corte.

UNDP (2002) *Governance for Sustainable Human Development. A UNDP Policy Document*. New York: United Nations Development Program.

Vercellone C. (ed.) (2006) *Conoscenza e finanza nell'epoca postfordista*. Roma: Manifestolibri.

COGNITIVE CAPITALISM AND NEW PEDAGOGY: A MARXIST TRANSCRIPTION OF THE “KNOWLEDGE SOCIETY”

Oleg Nogovitsin (onogov@yandex.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Citation: Nogovitsin O.N. (2018) Kognitivnyy kapitalizm i novaya pedagogika: marksistskaya transkriptsiya “obshchestva znaniya” [Cognitive capitalism and new pedagogy: a Marxist transcription of the “knowledge society”]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 183–208 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.10>

Abstract. The modern world system of social and economic relationship is considered through the prism of the “knowledge society” idea, while being held out as a social model constructed on the basis of permanent production of new knowledge in the IT form, uninterrupted diversification of its modes of production and its implementation into every sphere of social life. This ideologically neutral image of modern society as well as its operational definition in the sphere of education via the concept of “new pedagogics” is critically revised in the theoretical model of “cognitive capitalism” supported by the capacities of Marxist theory of economic and historic process. In the course of research, a principal contradiction is emphasized which determines the development dynamics of the “knowledge society”. The matter of the contradiction is the incompatibility of essential transparency of production process of any new kind of knowledge (“living knowledge”, a modern version of conceptualizing Marx’s “living labor”), on which the economics of the “knowledge society” is found, with its surrogate formalized through legal patenting and licensing procedures, which allows to allot it the quality of rareness and convert it into a base form of capital (“dead knowledge”, “dead labor” of the classical Marxist theory). Within the framework of neoliberal model of society and economics governance, the basic conflict characterizing the “knowledge society” is supposed to be solved through implementing the programs for provision of integrated and fair (of equal rights) qualitative education and stimulation of possibilities for life-long education for everyone, what namely constitutes the concept of “new pedagogics”. The proposed solution, however, is itself a condition of social construction of the mentioned conflict due to that the program of “new pedagogics” suggests capitalizing the living knowledge in a form of “human capital” and serves both to establishment of its production mechanisms and to distribution of the access capabilities to the very possibility of acquirement and capitalization of skills and competences necessary for successful self-fulfillment in the economic market by a human.

Keywords: Knowledge Society, Information Society, Cognitive Capitalism, New Pedagogy, New Humanism, Marxist Political Economy, living labor, dead labor.

References

- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- Becker G. (2003) *Chelovecheskii kapital* [Human Capital]. Moscow: Izd. GU-HSE (in Russian).
- Bourdieu P. (2016) *O gosudarstve. Kurs leksiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [About the state. Lecture course at the Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANEPa (in Russian).
- Bokova I. (2010) *Un nouvel humanisme pour le XXIe siècle. Discours prononcé par la Directrice générale de l'UNESCO à Milan (Italie), le 7 septembre 2010*. Imprimé par l'UNESCO.
- Corsani A. (dir.) (2000) Nouvelle économie politique. *Multitudes*, 2.
- Corsani A., Dieuaide P., Moulier Boutang Y., Paulré B., Vercellone C. (2001) *Le capitalisme cognitif comme sortie de la crise du capitalisme industriel: un programme de recherché*. Paris: Actes du Forum de la Régulation.
- Corsani A., Moulier Boutang Y., Lazzarato M. (2004) *Capitalismo Cognitivo, propiedad intelectual y creacion colectiva*. Madrid: Traficantes de Sueños.
- Corsani A. (2007) Kapitalizm, biotekhnouka i neoliberalizm. Informatsiya k razmyshleniyu ob otnosheniyakh mezhdru kapitalom, znaniem i zhiznyu v kognitivnom kapitalizme [Capitalism, science of biotechnics and neoliberalism. Information for reflection on the relationship between the capital, knowledge and life within the cognitive capitalism]. *Logos*, 4(61): 123–143 (in Russian).
- Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Bio-Politics. Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. St. Petersburg: Nauka (in Russian).
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–1978]. St. Petersburg: Nauka (in Russian).
- Gorz A. (2007) *Znanie, stoimost' i kapital. K kritike ekonomiki znanii* [The Immaterial: Knowledge, Value and Capital]. *Logos*, 4(61): 5–63 (in Russian).
- Gorz A. (2008) *Znanie, stoimost' i kapital. K kritike ekonomiki znanii* [The Immaterial: Knowledge, Value and Capital]. *Logos*, 1(64): 3–31 (in Russian).
- Granovetter M. (2004) Ekonomicheskoye deystviye i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. In: Radaev V.V. (coll.) *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya. Khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western economic sociology. Anthology of modern classics]. Moscow: ROSSPEN: 131–158 (in Russian).
- Lazzarato M. (2004) *Les révolutions du capitalisme*. Paris: Les Empêcheurs de penser en rond.
- Manning N., Parison N. (2003) *Reforma gosudarstvennogo upravleniya. Mezhdunarodnyi opyt* [International Public Administration Reform]. Moscow: Izd. "Ves' Mir" (in Russian).
- Marazzi Ch. (1997) *La place des chaussettes, le Tournant linguistique de l'économie et des conséquences politiques*. Paris: l'Éclat.

Marazzi Ch. (2007) *Telo-mashina i ego amortizatsiya* [The depreciation of the body-machine]. *Logos*, 4(61): 114–122 (in Russian).

Marx K. (1958) *Vvedeniye* (Iz ekonomicheskikh rukopisey 1857–1858 godov) [Introduction (From economic manuscripts of 1857–1858)]. In: Marx K., Engels F. *Soch. v 50-ti t.* [Works in 50 vol.], vol. 50. Moscow: Politizdat: 709–738 (in Russian).

Marx K. (1987) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: A Critique of Political Economy]. In: Marx K., Engels F. *Izbr. soch. v 9-ti t.* [Selected Works in 9 vol.], vol. 7. Moscow: Politizdat (in Russian).

Moulier-Boutang Y. (ed.) (2002) *L'età del capitalismo cognitive*. Verona: Ombre Corte.

Muromtseva A.K. (2014) *Vysshee obrazovanie v usloviyakh stanovleniya ekonomiki znaniy: imperativnye izmeneniya* [Higher education in the conditions of formation of the knowledge economics: imperative modifications]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Kuzbass State Technical University], 5(105): 162–169 (in Russian).

UNDP (2002) *Governance for Sustainable Human Development. A UNDP Policy Document*. New York: United Nations Development Program.

Vercellone C. (ed.) (2006) *Conoscenza e finanza nell'epoca postfordista*. Roma: Manifestolibri.